

[Быстрее, быстрее!]

Из рации, которая уже начала плавиться, доносились призывы к действию. Огонь бушует вокруг нас, сжигая кислород, а гул в ушах быстро стихает. Теперь я не слышу ни звука.

Это огненное пространство, где даже люди превращаются в пепел.

— Дон Юн, прикрой ее! — кричит брат, и я спешно прижимаю ребенка ближе к себе, тяжело дыша.

В следующем коридоре огненная волна обрушивается на нас. Так жарко, кажется, что разум рассыпается, как пепел. Но благодаря умению моего брата "читать" огонь, мне и ребенку удалось избежать его.

Сцена сменилась.

— Не спать!— с криком, от которого звенит в ушах, брат поднимает меня с земли.

Смотрю на ребенка на руках сквозь затуманенное зрение и дрожащими руками поправляю кислородный респиратор.

Здесь остался только инстинкт. Потребность сохранить жизнь друг другу, сохранить жизнь себе. Другого не дано.

Вскочив на ноги, я снова беру ребенка на руки и бегу к виднеющемуся вдалеке выходу. Густой черный дым и жар въедаются в наши пожарные костюмы. Мы бежим по огненному Аду, и мои шаги замедляются. Чувствую, будто что-то меня затормаживает.

Еще немного, еще чуть-чуть! Лёгкие разрываются, требуя дыхания, но я бешено бегу, глядя только на конец дороги перед собой.

Это пространство — страшный сон клаустрофоба, где секунда кажется часом, и я сосредоточен лишь на спине бегущего впереди брата.

Вспоминаю обрывки прошлого, сотрясаясь от тоски.

Потолок над головой рушится, и мое зрение искажается.

Бах!

При звуке взорвавшегося газа я инстинктивно падаю на живот, крепче прижимая ребенка к

себе. Обломки потолка падают с ливнем искр, осыпая мою спину и голову.

Я умру, точно умру. В этом пламени.

Конечности дрожат, и хотя я стискиваю зубы, сил уже не остаётся. Все еще вижу свет в конце коридора, и тут чувствую, как меня с криком поднимают и толкают вперед.

Только я вылетаю из коридора, как потолок позади окончательно рушится.

Крик брата всё еще бьёт по ушам.

Пламя искрит и кружится передо мной. Взгляд метался по сторонам, а руки дрожали. Я должен был бежать, но ноги словно отяжелели.

Потому что там, за стеной огня, остался мой брат.

Сквозь обломки потолка вижу его лицо. Он что-то кричит мне.

Если я замешкаюсь, то мы с ребенком умрём.

Но если я убегу, умрёт брат.

Я колебался, не зная, что делать, и изо всех сил по губам пытался разглядеть, что он мне кричит. В то же время у меня подкосились ноги и из глаз хлынули слезы.

— Вытаскивай её...

Мир резко меняется, и Ад исчезает. Разум уплывает куда-то, и я снова погружаюсь в темную бездну.

***

Над Зоной поднимался рассвет, и сквозь тишину до меня донесся шум, такой привычный, что даже защекотало в ушах.

Резко выдохнул, все еще ощущая горечь от сна, и вскоре разлепил тяжелые веки.

Я чувствую себя нормально, как всегда, просто в горле стоит комок от видений прошлого. Некоторое время смотрю на темный потолок, а потом поворачиваю голову, глядя на Старого при мерцающем свете свечи. Тот сидит в своем кресле и затачивает наконечники стрел.

— Кошмары снились? — спросил он. — Ты долго ворочался.

Я повернул голову и посмотрел на часы на столе.

Сейчас пять утра. Слишком рано, чтобы просыпаться, но слишком поздно, чтобы ложиться спать. Медленно встал с дивана, сложив одеяло, и подошел к столу. Взял с него шапку, вытер ей лицо и ответил Старому.

— О ребятах думал.

Старик хмыкает и приближает наконечник стрелы ближе к глазам. Тот тускло блестит в свете маленькой свечи, демонстрируя мастерство заточки Старого.

Закончив работу, он сложил стрелы в колчан.

— Это того стоило.

Эдем смог добиться правды.

В волнении за наших ребят, мы слушали новости по радио, все больше понимая, что момент воссоединения ближе и ближе.

Смотрю на старика, неподвижно сидящего в кресле и затачивающего оружие.

Четыре года...

Ветер времени потрепал Старого, и он еще сильнее постарел.

Я повернулся к маленькому зеркалу у кровати. На меня смотрел человек, чье лицо было огрубевшим и всё в шрамах. Глаза, поблескивающие в свете свечи, до сих пор казались чужими.

Времена года сменяют друг друга, Город меняется, но только Квак Дон Юн остался неизменным.

— Что там с вчерашними людьми? — спросил я старика, пока тот натягивал снаряжение, разложенное на своей кровати.

Это Город Мертвых, мрачное серое место. Когда-то здесь жили люди, а теперь он стал лишь грязной ямой, населённой Адскими отбросами.

И только вчера здесь в необитаемом Городе появились чужаки, на которых напал мутант.

Конечно, я слушал наше маленькое радио, но всё равно присутствие здесь других людей было глотком свежего воздуха в нашей застоявшейся жизни.

Увидев, что мне любопытно, как лягушонку, высовывающему голову из пруда, Старый усмехнулся.

— Тот, что в обмороке, был с порезом, но я его промыл и перевязал, а еще один парень...

Бах!

Старый замолчал, потому что за стенкой что-то упало. Мы тут же посмотрели на дверь, ведущую в коридор, и вскоре услышали шуршание по полу и негромкие оханья.

Они явно доносились из комнаты, где спали чужаки, и один из них, похоже, проснулся.

Старый закрыл рот, ухмыльнулся и поставил сумку на место, а я открыл дверь в коридор. Но прежде, чем успел что-либо сказать, на меня из соседней комнаты выскочил мужчина и начал что-то мямлить, при этом трясясь.

— Я..я..там это..

Молча поднимаю руку, приказывая ему успокоиться. Не знаю, чем думали эти люди, когда лезли в Зону, но вести диалог в таком паническом состоянии невозможно.

Мужчина с испугом вытаращился на меня и сглотнул.

— Квак Дон Юн... — неожиданно тихо произнёс он.

Теперь я от неожиданности вытаращился на него.

Долго вспоминал, может мы где-то виделись, но потом пришел к выводу, что впервые его вижу. Подождал, пока он успокоится, а затем спросил.

— Мы знакомы?

Мужик отрицательно мотнул головой и нерешительно шагнул вперед. Теперь в его взгляде было недоверие и любопытство, словно увидел диковинку. Похоже, внутри него боролись страх и желание познакомиться.

— Я вас в книге видел...

Книга? Какая книга? Мой дневник?

Я пристально разглядывал мужчину, пока он продолжал что-то бессвязно бормотать. Но это было недолго, так как дверь, которую я открыл, снова распахнулась, и вышел, зевая, Старый.

Проходя мимо нас, он хлопнул меня по плечу и указал на окно коридора, куда заглядывало утреннее солнце.

— Дай ты ему уже автограф или сфоткайтесь, а лучше пойдёмте поедим. Уверен, вы тоже голодный, так что оставим вашего друга отдыхать и за завтраком поговорим. Вам, судя по всему, есть, что нам сказать.

Мужчина удивленно посмотрел на старика, когда тот к нему обратился, но от приглашения не отказался.

Я тоже кивнул, глядя на часы. День предстоял напряженный, так что стоило бы плотно позавтракать. У нас еще остался картофель и мисо-суп. Я направился за Старым, поманив за собой мужчину, который так и стоял истуканом.

— Пошли есть, а то в нашем возрасте нельзя пропускать приём пищи.

***

Людей в Эдеме больше нет, так что мы здесь вдвоём со Старым.

Иногда, гуляя по пустым улицам, я испытываю чувство одиночества, но четыре года постепенно вытравили это ощущение. А сегодня мы приготовили вкусный завтрак для нашего гостя, используя все ингредиенты, которые были под рукой.

Правда, это был всего лишь мисо-суп и вареный картофель.

— Тц, вот у тебя семья, а ты совсем не боишься, — недовольно цокнул Старый, запихивая картошку в рот.

Мужчина, представившийся заместителем директора Ким Чжун Воном, рассказал свою историю, пока старик готовил еду, и теперь сидел, уткнувшись взглядом в тарелку, пока Старый неодобрительно на него поглядывал.

Я молча жевал, изредка дуя на горячую картошку, и глядел на сморщившегося мужчину. Чем-

то он на меня из прошлого похож. Положил ему еще картофеля, чтобы немного оживился, и сказал.

— Не волнуйся, твой товарищ скоро очнётся.

Человек, который прибыл с господином Кимом, потерял сознание от шока, вызванного нападением мутанта. Но когда Чжун Вон узнал, что с коллегой всё будет хорошо, то заметно повеселел и стал запихивать в рот оставшийся картофель.

Затем он, не забыв о манерах, поклонился нам.

— Спасибо вам, сэр...

Наполнив желудок и отойдя от пережитого, Ким вдруг понял, в какой ситуации оказался. Он испустил душераздирающий вздох и схватился за волосы, очевидно, вспомнив о семье.

— Я псих...я просто чёртов псих. Чой, сукин ты сын...

Старый ухмыляется, а я понимаю, что Чой — это тот парень, раскинувшийся на кровати.

Медленно встаю со своего места и начинаю убирать тарелки, пока Чжун Вон страдает.

Настало время заняться тем, чем мы занимались все эти четыре года.

Звук, с которым я убираю тарелки, приводит Кима в чувство, и он с трудом поднимает голову и начинает умолять нас с таким видом, будто вот-вот умрет.

— Я правда...очень сожалею, что согласился. Конечно, это слишком смело просить, ведь вы и так нас спасли, но...Пожалуйста, помогите нам выбраться отсюда? Прошу...

Я замер, перестав складывать тарелки, а Старый продолжал спокойно покуривать сигарету.

На кухне воцарилась тишина, и господин Ким замер, удивленный внезапным изменением атмосферы, но я лишь с горькой улыбкой ставлю тарелку на место. Наконец, старик, не спеша, затушил бычок в пепельнице и ответил.

— Мы пока не можем уйти.

Строгий тон его голоса заставил Кима напрячься.

— Что?

Под его недоверчивым взглядом я принялся надевать снаряжение, а Старый взял колчан со стрелами, которые он так старательно затачивал.

Солнце уже полностью встало, а значит впереди еще один утомительный день.

Старик повторил.

— Мы не можем уйти.

Это был и ответ, и своеобразная клятва, которую мы носили, как шрам, все четыре года.

Почему мы не можем покинуть Зону?

Я медленно подошел к двери, глядя на главную причину в солнечном свете. Старый махнул рукой мужчине и тоже направился к двери.

— Нам еще многое надо тебе рассказать.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4877224>